

Чикалова Ирина

Планета Счастье

**DEPRESSION
prohibited**

**Take it
easy,
Baby!**

Ирина Чикалова
Планета Счастье

«Издательские решения»

Чикалова И.

Планета Счастье / И. Чикалова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857292-0

Узнаваемый мир недалекого будущего — «умные такси», летающие по воздуху, «умный дом». И общество, в котором законодательно запрещена депрессия. Главный герой Стивен — журналист в крупном издательстве — расставшись с женой, запирается дома. Обнаружив это, муниципалитет присылает ему Нэнси, красивую, умную и чрезвычайно позитивную девушку, для принудительного лечения депрессии. Написанная с юмором, «Планета Счастье» — ваш интеллектуально-саркастический собеседник на вечер.

ISBN 978-5-44-857292-0

© Чикалова И.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Нэнси	6
Часть 2. Джули	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Планета Счастье

Ирина Чикалова

*«Знал бы Ирод, что чем он сильнее,
тем верней, неизбежнее чудо»*

И. Бродский

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Ирина Чикалова, 2017

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-7292-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Нэнси

– Привет, я – Нэнси, твоя новая подружка.

Спросонья Стивен не понимал смысла произнесенного и все еще продолжал в недоумении тереть левый глаз, который предательски невоспитанно закрывался.

Девушка сделала небольшой, но энергичный шаг вперед, давая понять, что хотела бы войти. Стивен попятился назад и все еще силился понять, что происходит.

– Мы узнали, что ты расстался со своей женой и уже неделю не выходишь из дома, а так как в Объединенном Содружестве Счастливых Королевств запрещена депрессия, Совет нашего муниципалитета прислал меня. Нужно проверить твое психологическое состояние, и можешь ли ты быть счастлив в одиночестве. Если так, то мы присоединим тебя к единомышленникам. Но возможно, тебе нужна терапия с помощью *vita amoena*¹.

Она нарочито выпрямила спину, откинула волосы и широко улыбнулась.

– Хм... *Comicum principium*², – нарочно демонстрируя скудные познания латыни, ответил Стивен. – Хотя... Я вроде не обновлял информацию в своем профиле. И что, вы так ко всем ходите?

– Ты – нет, – звонким и дружелюбным голосом говорила красавица – длинноногая брюнетка с большой грудью и сияющими синими глазами. – Но твоя жена, бывшая жена, оказалась более социально адаптированной – проще говоря, нормальной. Я работаю в Службе психологической помощи при муниципалитете. И помогу тебе снова обрести счастье. Я буду стараться, ты мой первый пациент, и на тебе проверяют мою квалификацию, – приветливо улыбаясь, продолжала она.

Стивена раздражила ее, как ему показалось, неуместная улыбочка, но он никак не мог понять, что следует сказать или сделать в таком случае. Он даже подумал бы, что это очередной его странноватый сон, но Нэнси, ее синие джинсы, ухоженные волосы и футболка с жизнеутверждающей надписью «I will make you smile» источали достаточно сильный, хотя и приятный, аромат. И то, что она говорила, он точно не мог себе даже вообразить.

– Это мое удостоверение и разрешение на психологическую работу с тобой, – демонстрировала она документы на экране планшета.

Стивен внимательно смотрел. Удивительно: печать муниципалитета и электронная подпись его главы – мистера Сильвера.

– Хорошо, входите, – сказал он наконец, скорее для того, чтобы прекратить эту неловкую сцену у двери. Нэнси была слишком хороша, чтобы сразу ее выгнать. Надо сначала разобраться, в чем дело, может, все не так и страшно – успокаивал он себя.

Нэнси вошла и медленно разглядывала японские гравюры на белых стенах прихожей.

– «Укиё-э», от японского «картины, образы изменчивого мира» – направление в изобразительном искусстве Японии, получившее развитие с периода Эдо, – сообщила она голосом электронных энциклопедий.

– Откуда вы знаете? – искренне удивившись, спросил Стивен.

– Во-первых, все граждане Счастливых Королевств говорят друг другу «ты», это располагает к менее формальному и более открытому общению. Во-вторых, у каждого образованного человека на телефоне есть «Knowledge Hub», и как раз вчера я читала про японское изобразительное искусство. Я вообще интересуюсь искусством, поэтому так случайно совпало. Я считаю, это счастливое совпадение. Не правда ли?

Так как Стивен ничего не ответил, Нэнси продолжила:

¹ Веселая жизнь (*лат.*).

² Веселое начало (*лат.*).

– Но все-таки счастье – это лишь в 10% случаев удача, а в 90% – работа, которую мы помогаем проделать нашим пациентам, чтобы они были полноценными гражданами нашей прекрасной страны.

Переходить в категорию «пациента», и к тому же подопытного, Стивену не хотелось, но было очень интересно узнать, чем закончится эта сюрреалистическая история.

Телефон Нэнси постоянно производил разные звуки: ей приходили уведомления от всех имевшихся в нем программ. И она периодически на него отвлекалась.

– Прости, официально на работе с тобой я с завтрашнего дня, сегодня пришла просто познакомиться. Поэтому я не включала уведомление о том, чтобы не беспокоили.

– Да, понятно. Меня зовут Стивен. Приятно познакомиться. У меня все хорошо. А у вас? – сказал он, старательно имитируя учебники по изучению иностранного языка.

– Чувство юмора позволяет людям переживать неприятные события в их жизни легче и правильнее. Это хорошо, – тем же бодрым и дикторским тоном сообщила Нэнси и улыбнулась шире прежнего.

– Если вам нечего добавить, я бы, уважаемая... – Он забыл, как ее зовут, но признаться было неудобно.

– Нэнси.

– Да, Нэнси, ты очень красивая и милая, но мне нужно собираться на работу.

– Конечно. Тем более что сегодня тебя ждут в редакции.

«А это-то откуда она знает? Но сейчас, пожалуй, пусть идет, завтра разберемся».

– Я бы хотела более подробно осмотреть твою квартиру, но что ж, не буду настаивать. До завтра. Я приду в восемь, так как для эффективности терапии нужно максимальное время проводить с больным. Судя по текущему состоянию, депрессия действительно имеется, – сказала она, с сочувствием глядя на мешки под глазами и имея в виду общий помятый вид Стивена, который не брился уже неделю и мало спал, да и тот отрывочный сон никак нельзя было назвать «качественным», как значилось в пособиях по правильному режиму дня, которые раздавали всем на работе.

Стивен закрыл за Нэнси дверь и побрел на кухню.

Остановился перед зеркалом. «Всего через неделю беспробудного питья, отсутствия сна и пренебрежения правилами элементарной человеческой гигиены, Стивен Маккуин из, в прошлом, по свидетельствам очевидцев, привлекательного молодого человека, превратился не только в жалкую моральную развалину, но и в физического уродца в грязном мятом халате», – придумал он о себе маленькую газетную заметку.

Вспомнив безупречную Нэнси, каждый сантиметр тела которой был выхолощен до идеала, он встряхнул головой и взъерошил волосы, как часто делал перед выходом, но немывые, они предательски прильнули к голове, и он грустно пригладил их обратно, отчего его голова приобрела еще более унылый вид.

– Хм, если уж ко мне Психологическую службу пригнали, это знак, надо что-то делать. Но вообще история странная, надо бы разобраться с этими службами. Но для начала – помыться.

Он долго и аккуратно брился, старательно тер тело, выдавливал тонны шампуня, геля, скраба (обилие баночек в ванной выдавало недавнее присутствие женщины в доме) и потом – смывал и смывал бесконечную пену и с удивлением обнаружил, что к концу умывательного ритуала даже начал напевать.

Он энергично взял полотенце и вытирался до того, пока все тело не почувствовало приятное тепло и не приобрело не менее приятную розоватость.

«Как же хочется есть!» – подумал он впервые за эту неделю и с досадой обнаружил, что холодильник совершенно пуст, из продуктов имелся виски – виски односолодовый, виски дешевый, виски дорогой – в стакане, и жалкая горстка орешков.

Стивен высушил волосы, погладил поло, надел темно-синие вельветовые штаны, и теперь его недавний образ жизни выдавал только усталый взгляд, впалые щеки и темные круги под глазами. Он взял телефон, набрал номер в избранных: кафе «Бриошь». По привычке, перешедшей от мамы, Стивен предпочитал по старинке голосовую связь вместо современных обезличенных кнопочек в приложениях.

– Привет, Лиз. Можно мне, пожалуйста, свежесжатый апельсиновый, яичницу с беконом, позажаристей, и круассан. Давай два круассана!

– Стивен, привет! К нам уже из муниципалитета приходили, спрашивали, нет ли сбоя системы, а то заказов по твоему аккаунту уже неделю нет. Как я рада, что к тебе вернулся аппетит. Ждем через пятнадцать минут.

Стивен вышел на улицу. Как всегда, светило солнце, хотя на дворе была осень.

Последние тридцать лет у них всегда была солнечная погода, хотя мама рассказывала, что в ее детстве, еще не таком счастливым, как должно было быть у Стивена, были и дожди, и слякоть, и пасмурные дни. Теперь погода была всегда прекрасная, сообщалось, что это заслуга Мудрого и Доброго Короля и его помощников по всей стране. Стивен никогда не задумывался, как им это удавалось, но иногда тайно рассматривал репродукции неофициально запрещенных картин (как провоцирующих не менее запрещенную, уже официально, депрессию), например, «Осеннюю распутицу» Куинджи, и не мог не признать, что с солнцем жить хоть и однообразнее, но значительно лучше. Однако на картинах, думал он, хорошо бы, чтобы и слякоть была, и дождь, и когда на это смотришь, то вспоминаешь, как сломалась любимая игрушка или как жалко было отравившегося чем-то кота, которого заставляли съесть нужную таблетку или делали укол, а он смотрел на тебя с отчаянием и искал поддержки. И сердце сжимается, и тогда ты знаешь, что оно живо, что оно иногда радуется, иногда переживает, но не останавливается.

Детство Стивена счастливым было только до десяти лет – до того, как в авиакатастрофе погибли родители. Стивену повезло, он был талантливым мальчиком, поэтому его не отправили в обычный Домоимитатор, а поместили в гимназию, где учились и жили одаренные дети. На каникулы он отправлялся к своей двоюродной бабушке Элизабет, которая тогда жила в Старинном Городе Сказок.

Дни каникул были погружением в совсем другой мир. Он часто вспоминал аромат корицы на свежеспеченных булочках, наполнявших улицу рядом с домом тетушки Бет, как она просила его называть себя; старушку фрау Анни с ударением на последний слог на французский манер, которая не менялась год от года и носила безупречно белый халат с бордовой тесьмой и забавный колпак. Она всегда угощала Стивена горячим шоколадом с булочкой, и тетушка Бет всегда незаметно оставляла деньги за угощения под белоснежной скатертью на столе у окошка, где Стивен любил наблюдать за тем, что происходило на улице, или просто любоваться разноцветными домиками с черепичными крышами. Особенно ему нравились дома из красного кирпича с купоросными куполами и золотистыми часами с тоненькими, как ручки Дюймовочки, стрелками. Вспоминал он и узенькие каналы, испещренные лодками – моторными, парусными, большими и маленькими.

Морская вода пахла водорослями, солью и напоминала о том, как они с папой читали «Детей капитана Гранта» или «Двадцать тысяч лье под водой» и как Стивен мечтал когда-нибудь отправиться в опасное и захватывающее дух путешествие. В гимназии Жюль Верна не читали, но изучали «Десять способов развить эмпатию», «Навыки личной эффективности», «Позитивное мышление», а также произведения современных авторов, имеющих позитивную направленность.

Стивену нравились книги, которые он читал у тети Бет, но после того как он попытался обсудить на уроке литературы, зачем переписывать концовки произведений Шекспира на положительные, тете Бет было рекомендовано посещать мальчика у него дома. Только Стивен знал,

что если и есть у него в этом мире дом, то он в уютной маленькой квартирке тети Бет, где долгими зимними вечерами они сидели у камина и вместе плакали над «Les Misérables».

Официально выезд за пределы Королевства не был запрещен, в Конституции говорилось, что «Королевство делает все возможное, чтобы помочь гражданину быть счастливым. Если же он не согласен быть счастливым, ему следует покинуть Королевство навсегда, чтобы не омрачать жизнь другим гражданам». Впрочем, населению изгнание виделось непривлекательным: в Королевстве у всех была работа, контроль за здоровьем каждого с помощью пульта на зеркале в ванной – туда нужно было вводить данные давления, уровня сахара, холестерина, что Стивен всегда забывал делать. В Королевстве были и горы, и море, и были представлены те культуры, чьи традиции и обычаи не противоречили требованиям Конституции Королевства.

Как теперь выяснилось, и проблемы личного характера решались весьма оперативно. Эта привилегия жизни в Королевстве Стивена неприятно удивила, но сейчас он шел по широкому тротуару Авеню Сладкой Булочки (все улицы имели позитивные названия) и думал только о том, что его скоро ждет вкусный завтрак в «Бриоше».

В кафе Лиз, милостивая брюнетка небольшого роста, работала одна, не считая управляющего и повара, все остальное было автоматизировано. Клиенты отправляли заказы через приложение на любом устройстве с выходом в интернет, затем они отображались на табло у повара. Горячие блюда готовили сами, остальное привозила доставка, даже выпечка приезжала замороженная, оставалось положить в печь, и через пять минут все было готово. Управляющий любил повторять, как правильно вовремя отдать непрофильную деятельность на аутсорсинг.

«Бриошь» находился в тридцати минутах ходьбы от дома Стивена, и обычно он ехал на машине (своей или брал такси), но сегодня решил прогуляться. На улице было немного людей, и он внимательно изучал деловые, сосредоточенные лица.

Молодой человек на велосипеде в форменном костюме с эмблемой известного банка размышляет, видимо, о предстоящих на работе делах. Несмотря на то, что брови сведены, лицо румяное и довольное.

Молодая мама с коляской направляется, очевидно, к парку неподалеку и что-то непрерывно говорит малышу, которому на вид месяцев семь-девять, то и дело обходя коляску и наклоняясь так, чтобы ее лицо оказалось на уровне глаз ребенка. Тот никак не реагирует, и если мать слишком активно жестикулирует, отвечает взглядом, полным недоумения. Наверное, так учат на курсах Хороших Мам – подумал Стивен, глядя на то, с каким энтузиазмом женщина продолжала обегать коляску и что-то говорить ничего не понимающему ребенку.

Подростки, не спешащие в школу, показывают друг другу что-то на телефонах. С тех пор как учебники стали электронные, а домашние задания хранятся «на облаке», им не нужно ничего с собой носить.

Стеклобетонные небоскребы сияют на солнце, так же как и начищенный до блеска асфальт. Есть специальная программа управления светофором – можешь за несколько метров нажать кнопку, и к тому времени как ты подойдешь, загорится зеленый, но нужно идти с постоянной скоростью и не отклоняться от маршрута, иначе программа не сможет корректно рассчитать время твоего прибытия к тому или иному автоматическому регулятору дорожного движения. Во время прогулки Стивен любил исследовать переулки или заглядывать во дворы, поэтому никогда не пользовался удобными программами.

«Отсканируй код – и вкусная еда всегда рядом», – гласил один плакат. «Всего один клик до рыб», – гласил второй и изображал удивленно-счастливое лицо мужчины, изо рта которого торчал рыбий хвост – креативное творение призывало пользоваться интернет-магазином рыболовных снастей и, как и полагается, продавало не сам товар, а выгоду для потребителя.

После недельного полного затворничества (он отключил телефон, не выходил на улицу) Стивен чувствовал себя как маленький ребенок в зоопарке: ничего себе, желтая машина пролетела – над его головой промчалось городское такси – небольшие желтые капсулы, которые

передвигались по воздуху, поэтому на дорогах никогда не было заторов. Городской транспорт был наземным, водным или воздушным, доступным для всех жителей.

Стивен почему-то ждал, что как только он войдет в «Бриошь», Лиз подбежит и бросится к нему на шею – видимо, из-за ее радости по поводу его визита, которую она выразила по телефону. Но когда он пришел, его никто не встретил, он сел за свой столик и молча ждал, даже не думал ничего, от голода болела голова. Так как официантов не было, нужно было открыть приложение и нажать кнопку «принести заказ» – тогда робот доставлял его.

Стулья в «Бриоше» были эргономичного дизайна, столы с регулируемой высотой, длиной и даже формой. Стивен любил круглый, маленький, с белой скатертью. Скатерти были разноцветные, можно было выбрать любую из радуги (с белой был один, но он не пользовался популярностью). Барная стойка напоминала пульт управления самолетом – множество разных кнопок для заказа коктейлей, закусок, управления светом и музыкой. В дни вечеринок – каждую пятницу, субботу и воскресенье – работали аниматоры – красивые девушки, которые выполняли функции танцовщиц, официанток и просто могли поболтать с посетителями по требованию. На вечеринках Стивен бывал редко, он не любил общественные собрания, за что его критиковала бывшая жена, напротив, любившая веселиться в компании. Несмотря на критику и некоторые разногласия во взглядах, Стивен тяжело переживал расставание с Иветт, которая была для него единственным близким человеком, если не считать двух друзей детства, теперь живущих каждый своей занятой жизнью, от Стивена далеко. Он в который раз начал думать, не позвонить ли ей и не попросить ли одуматься, все-таки десять лет – это немалый срок, и они привыкли друг к другу, и конечно, страсти поутихли, но все же нельзя было сказать, что противоречия между ними были неразрешимы. В этот момент из кухни вышла Лиз.

– Стивен, привет. Рада тебя видеть. А почему ты не отправил сообщение? Ты долго здесь уже? – сказала Лиз своим обычным приветливым тоном.

– Да нет, не очень. Но голодный отчаянно. Можно, пожалуйста, сразу все? А кофе потом.

– Да, конечно, твой заказ готов.

Стивен посыпал яичницу специями со стола и позвал Лиз:

– Прости, пожалуйста, я про чиабатту забыл. Можно, пожалуйста, пару кусочков?

– Ты же знаешь, хлеб у нас замороженный. Но сейчас что-нибудь придумаем.

Через минуту она вернулась с булочками с сыром.

– Чиабатту было бы дольше, но вот это есть, готовили для другого клиента.

– Спасибо. Как же вкусно!

Стивен изрядно измазался жидким шоколадом от круассана и, жадно откусывая очередные порции, выглядел как бездомный ребенок, которого внезапно нашли и впервые за долгие голодные дни не только покормили нормальным обедом, но и на десерт подали шоколадный торт. Он широко улыбнулся девушке за соседним столиком, та равнодушно посмотрела на него и, нажав кнопки в телефоне, поспешила к выходу.

Зашел молодой человек в голубой рубашке, жилетке и очках в толстой роговой оправе, на которой значилось название бренда, и встал у стойки.

– Привет, здесь отличные круассаны с шоколадом. Рекомендую, – сказал Стивен, все еще пребывавший в эйфории от углеводного шока.

Молодой человек не ответил, и присмотревшись, Стивен заметил наушники у него в ушах, к тому же, тот что-то внимательно изучал в своем телефоне.

Взяв кофе со стойки, парень вышел.

В кафе остались пожилая дама с маленькой собачкой, одетой в розовое, пара мужчин в деловых костюмах и молодая парочка.

Все, включая даму, смотрели в разные устройства и периодически нажимали кнопки.

Стивен доел свои круассаны, открыл приложение, нажал «оплатить» и подошел к стойке, чтобы попрощаться с Лиз. Лиз делала фото себя на фоне огромного героя известного мультфильма, поставленного, очевидно, для создания веселого настроения.

– Хорошего дня тебе, Стивен, – сказала она, едва оторвав глаза от телефона. – Пока. Заходи. Только не забывай про приложение. Чмоки.

– Ага, пока. Спасибо, Лиз.

Стивен дошел до небоскреба, на одном из верхних этажей которого располагался его основной работодатель – «Попугай» – журнал и радиостанция. Для входа в здание нужно было нажать кнопку, считывался отпечаток пальца, до этого все получали специальный код, но так как обновлять его нужно было раз в неделю, Стивен, изначально встретивший инновацию протестом, решил, что с пальцем стало и в самом деле удобнее.

Перед лифтом никого не было, он опаздывал. Зашел в лифт, сказал «двадцать пять», и через несколько секунд дверь распахнулась перед разноцветной надписью «Попугай». Стивен снова приложил палец, и Китти, секретарь, демонстрируя достижения современных методов отбеливания зубов, сообщила:

– Доброе утро, Стивен. Рады тебя снова видеть.

– Привет, Китти. Что новенького?

– Прости, телефон. – Китти сняла трубку. – Вас приветствует редакция журнала «Попугай». Чем могу помочь?

Стивен заведовал разделом «Мугакит» – музеи, галереи, кино, театр, который сам он назвал «Темуки» на японский манер. Про музеи писала и рассказывала Адель – художавшая блондинка с маленькими светлыми глазами. Она же взяла на себя театр, когда сотрудница Эля ушла в счастливый декрет, который продолжался уже третьим ребенком и не обещал заканчиваться. Про галереи – уверенный и энергичный Искандер, которого все звали Дерик. Кино обозревал Винсент – недавний выпускник, молодой и подающий надежды, также обозревавший экономические новости на радио. У них всегда было шумно и весело, и их больше всех любила жена главного редактора – миссис Стивенс, от которой им часто передавались прекрасные эклеры, не ела их только Адель – бедняга страдала от аллергии на сахар.

Для начала Стивен решил зайти к мистеру Стивенсу и сообщить, что вернулся к трудовым будням.

Людей в редакции было немного, некоторое время назад большинство сотрудников начали работать удаленно, отправляя материалы «в облако». Мистер Стивенс, тем не менее, к современным технологиям относился с опаской, поэтому собирал «летучки» и только самым непримиримым борцам за свободу личности от пространства и времени разрешал в редакции не появляться.

На двери главного редактора висела табличка: «Если вы хотите войти, сначала подумайте. Если не передумали, пойдите и подумайте еще». Стивен постучал.

– Я занят, – послышался низкий голос мистера Стивенса.

Стивен прислушался, Фил ни с кем не беседовал. Чувствовавший себя провинившимся, Стивен с извиняющимся видом просунул голову в дверной проем.

– Здравствуйте, мистер Стивенс. Я только хотел сказать, что вернулся на работу.

– Черт бы тебя побрал, Стивен. Это твое сообщение! Что за дурацкие шуточки. Я вечером прослушивал, здесь была Аманда. – Он строго посмотрел на Стивена. – Для тебя – миссис Стивенс. Так вот, миссис Стивенс чуть удар не хватил!

– Просите, пожалуйста, я думал...

– Думал он! К сожалению, эта способность дана не всем. Но зато ты сможешь хорошо жить в этом государстве. Думать здесь давно никого не просят.

– Хорошо жить – это вряд ли. За мной уже Психологическая служба наблюдает, – тихо сказал Стивен, все еще стоя в дверях.

– Во-первых, зайди и закрой дверь. Во-вторых, палки на вас всех нет, Психологическая служба, понимаете ли, им. В детстве не лупили, так сейчас бы отлупить хорошенько, чтоб вся дурь вышла!

Высокий, с седыми усами и бородой, когда гневался, мистер Стивенс напоминал бы древнегреческого бога, если бы не полное тело и забавные пухлые розоватые щеки.

Сообщение, которое Стивен, будучи сильно пьян, оставил на автоответчике главного редактора, звучало так:

«Дорогой мистер Стивенс, да что там – милый Фил, я помню, как пришел к вам пять лет назад, и за эти годы вы стали мне почти как родной отец. И миссис Стивенс, и ее эклеры... Это лучшее, что я ел в своей жизни. Жизни, ни для кого, кроме вас, не ценной. И сейчас, прощаясь с ней, с этой тщетной суетой наших будней и с одинаковыми солнечными днями, я хочу вам сказать – спасибо. Спасибо за все. Вы действительно добрый, щедрый, милый человек, самый лучший на свете человек». Пауза, всхлипывания в трубку. В этот момент миссис Стивенс, приехавшая с ужином для мужа, который, как обычно, задерживался на работе, схватившись за сердце, начала умолять мистера Стивенса отправить к «бедному мальчику» скорую помощь немедленно. Но голос продолжил: «И я знаю, вы не осудите меня за то, что я не пришел сегодня на работу и не приду завтра и еще какое-то время. Я начинаю новую жизнь. Я оформлю отпуск в системе, мистер Стивенс, клянусь вам», – поспешно завершалась речь.

– Я не хотел, я был немного пьян. В смысле – очень пьян. Простите. Но поймите, пожалуйста, мы расстались с Иветт.

– Ладно, скажи спасибо доброте миссис Стивенс. Все, иди работай, раз пришел.

Стивен отправился к себе в отдел.

Из всех окон редакции открывался красивый вид на многоуровневую автостраду с одной стороны, с другой – на синий мост с подсветкой и башню, на которой в девять вечера зажигались сверкающие огни. Больше всего Стивену нравилось, что со своего рабочего места он видел реку и парк вдали.

Адель поливала цветы на окне и не слышала, как Стивен вошел. На ней было синее платье в горошек, туфли-балетки с кружевом плотно обхватывали маленькую ножку, а волосы – убраны в хвостик. Он аккуратно подошел сзади и громко сказал басом:

– Сдала ли ты заметку про хореографию Паоло Мигозетти в Главном театре, о Аделаида, цветы поливающая?

Адель вздрогнула.

– Ах, Стивен, как же вы меня напугали. Сдала, сдала, и про Мигозетти, и про сто лет итальянского фарфора, и про три копья из новых раскопок в Египте. Кстати, вы слышали, нашли прекрасно сохранившиеся оружейные принадлежности примерно II – III века до нашей эры? Будут выставлять через полгода у нас в музее античного искусства.

– Слышал-слышал, как тебя можно не слушать, Адельчка. У тебя хоть и ангельский головок, но попробуй неуважительно отозваться о Мигозетти, ты же возьмешь это самое копьё и заколешь! – Стивен обнял Адель. – Я соскучился по вам. А где все болваны, с Мигозетти не знакомые? Ты, кстати, сделала с ним прекрасное интервью, хвалю. Сразу видно – моя школа.

Стивен сделал пару больших энергичных шагов по комнате, разглядывая вечный хаос на столе у Искандера, ни одной лишней записочки и аккуратные полочки Адель, творческий беспорядок у Винсента с последними афишами.

– Винсент в студии, записывает вечернюю передачу, а Искандер здесь, вышел куда-то.

– Тебе бы, Адельчка, отдохнуть, – сказал Стивен, глядя на темные круги под глазами Адель. – Зачем ты в три ночи писала заметку про эти копья в блоге?

– Как? Это же сенсация! Только сообщили, а из-за разницы во времени... Вот так и получилось, что у нас немного поздно, – опустив глаза, оправдываясь, сказала Адель.

– Ах, милая моя, что б я без тебя делал, – поцеловав Адель в щеку, почти пропел вернувшийся в свое обычное прекрасное состояние духа Стивен.

Толкнув дверь ногой, так как руки у него были заняты тортом, в комнату влетел Искандер.

– Приветствуем босса в добром здравии! – продекламировал смуглый красавец Искандер и водрузил на стол двухуровневое кондитерское чудо с ягодами. И, будто отвечая на грустный взгляд Адель, добавил: – Дорогая, он на сахарозаменителе. Я специально спросил – тебе можно.

– А какой именно сахарозаменитель? – без энтузиазма и явно не веря, что он подходящий, спросила Адель и взяла упаковку для подробного изучения состава.

– Я надеюсь, вы без меня не скучали.

– Какая скука, шеф! Культурная жизнь бьет ключом! А галерейная – по карману. Бьет, – пытался шутить Дерик.

– Хорошо. Надо бы поработать тогда.

Стивен включил компьютер и так погрузился в разбор разнообразных заданий от мистера Стивенса, чтение материалов, просмотр событий, что совсем не заметил, как все попрощались с ним. Он остался наедине с куском бисквита и крема, который был обьеден со всех сторон, ягоды выколупали вечно сидящие на диете сотрудницы отдела по связям с общественностью, и оттого выглядел он жалко и сиротливо посередине большой упаковки из перерабатываемого пластика.

Зашла убиравшаяся у них Зульфия, пропылесосила, вынесла мусор и остановилась в нерешительности возле торта. Дилемма для нее была, видимо, сложная, потому как стояла она наклонившись и то протягивала руку, чтобы забрать остатки, то потом, не решаясь посмотреть на Стивена, но боком стараясь увидеть, смотрит он или нет, убирала руку. Стивен заметил ее замешательство не сразу: бедняга промучилась у кондитерских развалин добрых пять минут.

– Убирайте торт тоже, пожалуйста, – послышалось, наконец, из-за монитора.

Зульфия быстрым движением отправила в мусорный пакет намучивший ее за эти секунды торт и поспешила выйти из комнаты, полагая, что мешает Стивену работать.

Уже загорелись огни на башне, а Стивен все еще увлеченно смотрел в экран и бодро стучал по клавишам.

Вдруг вошел мистер Стивенс.

– Стивен, я хотел кое-что серьезно тебе сказать.

Стивен оторвался от экрана и пристально посмотрел на Филя.

– Я слушаю.

– Стивен, ты хороший, талантливый мальчик... У тебя правильный – тебя так учили – критический взгляд на все. Ты видишь прекрасное, можешь его оценить.

Мистер Стивенс ходил по комнате и теребил бороду.

– Видишь ли, в последнее время... У нас приветствуется – ну ты сам знаешь – позитивное мышление и все такое. Но сейчас особенно. Меня учили делать... Как это называется, когда ты на фоне чего-то?

– Вас учили делать селфи?

– Да, приходила специальная девушка, оранжевая такая. Она говорила, что в нашем прогрессивном Королевстве мы должны не только радоваться жизни, но и «постоянно делиться этой радостью с окружающими». – Мистер Стивенс сделал пальцами знак кавычек. – Еще была, по всему видимому, ее начальница – в костюме, в очках, очень деловая дама, ни одного волоса у нее не было непослушного, все зачесано и убрано. – Мистер Стивенс сопроводил описание жестами, демонстрируя строгое лицо дамы и то, как она, очевидно, до визита в редакцию, зачесывала волосы. – В общем, она – эта начальница, инспектор чего-то там – говорила, что ты тоже

не очень-то делишься радостью и даже слишком часто бываешь грустный. И они подозревают у тебя наличие запрещенных книг – Достоевский там и остальное. Просили меня с тобой побеседовать. Я, конечно, не призываю тебя делать эти селфи все время, и вообще все это ерунда, но я не хотел бы, чтобы у нас всех из-за этой чуши были неприятности, ты понимаешь? Мы же делаем хоть что-то прекрасное среди всеобщего этого помутнения рассудка. И с книгами – по крайней мере, список пока не официальный, все потому что мы просили, писали. Ну ты сам все понимаешь. В связи с этим можно тебя попросить, пожалуйста, делать все-таки иногда эти селфи, как все остальные нормальные люди? Так всем будет лучше. Хорошо? – После некоторой паузы Фил добавил: – Ах да, и на вечеринки тоже ходи, пожалуйста.

– Странно все это, мистер Стивенс. Ну ладно, не беспокойтесь, я буду фотографировать яичницу и ставить хештеги: «#vsemdobrogoutra #breakfast #hello».

– Ох да, про фештег она тоже объясняла, но я что-то уже позабыл.

– Хештег, мистер Стивенс – метка такая для того, чтобы можно было по ней с этой же тематикой найти картинку или текст.

– Ну вот и славно, что ты все сам знаешь. И не сиди тут долго.

В кабинете мистера Стивенса разрывался телефон.

– Все, бегу, жена...

Стивен посмотрел в окно, сфотографировал, нажал «поделиться» и подписал: «#dontworktoomuch». Несмотря на то что фотографировал он редко, у него было более полутора тысяч подписчиков, но еще большим спросом пользовались его короткие заметки.

«Когда вас тошнит от виски, умойтесь, поработайте и съешьте торт. Помогает», – написал он сегодня.

Записки он тоже старался не размещать часто, потому что на комментарии к ним нужно было отвечать, а ему было совершенно некогда. Всегда была гора литературы, до которой не доходили руки, новые и старые японские, итальянские, скандинавские фильмы. Два раза в неделю он занимался карате, еще два – старался сходить на плавание или йогу, потому что недавно начали болеть шея и спина.

Несмотря на то что в последнее время они с Иветт редко проводили вечера вместе – у каждого были свои дела – вернувшись домой, он подумал, что без нее стало пустынно и одиноко. Включив свет на кухне, он обнаружил, что ко всему прочему, стало еще очень грязно. Он внезапно вспомнил про Нэнси. Надо было хоть немного убраться, а то совсем неудобно.

Стивен заказал себе гавайскую пиццу и лимонад и, проглотив все и параллельно посмотрев начало очередного творения Миядзаки, принялся наполнять посудомойку. Потом включил маленький пылесос, управлявшийся с пульта, затем электрическую поломойку, такую же круглую и компактную, как пылесос. С сантехникой управлялся человекоподобный робот, с которым Стивен иногда вел беседы о Копернике и Бунине. Робот не отвечал. Но мыл неплохо.

Комнат у него было две: гостиная и multifunctionальная – спальня, библиотека и кабинет одновременно.

В гостиной ар-деко встречалось с современностью, как любила Иветт. Особенно всем нравилась люстра, будто сбежавшая из серебряного века, большая, с ажурными узорами из стекла и изящными лампочками в форме слез. Надо сказать, что больше ничего от выдающейся эпохи не было, кроме разве что стульев с серебристыми сидениями. Большой диван кремового цвета выглядел современно, посередине стоял овальный обеденный стол. В те редкие дни, когда они ужинали с Иветт дома, на него ставился ажурный подсвечник, который – подумал Стивен – оскорбился бы от соседства с гавайской пиццей, поэтому он по-быстрому съел ее на кухне. Он поменял залитую алкоголем скатерть, вытер пыль и без сил свалился спать.

После долгого рабочего дня и уборки Стивен совсем забыл завести будильник, поэтому звонок в дверь с утра снова застал его врасплох.

Сегодня Нэнси была в изящном розовом пальто и с большим белым шарфом. Пальто было расстегнуто, и из-под него виднелось красное платье в горошек, соблазнительно облегавшее ее безупречную фигуру, в густых черных волосах – алая лента. Стивен не мог скрыть, что был рад ее видеть.

– Привет. Извини, я забыл поставить будильник, еще не одет.

В спальне он успел натянуть домашние штаны, но вид у него был помятый, хотя и значительно лучше, чем накануне.

– Привет. Я, как договаривались, в восемь. Где можно помыть руки? – спросила Нэнси, и Стивену показалось, что в ее тоне было много нежности, так с ним давно никто не разговаривал.

– Здесь гостевой санузел. Я с твоего позволения – в душ.

Нэнси с интересом разглядывала белую плитку кирпичиками, зеленый бордюр с золотистым узором, бронзовый кран и такого же цвета держатель под полотенце. «Как все здорово придумано: одновременно и современно, и под старину», – подумала она и тут же сфотографировала.

После душа Стивен надел свою любимую рубашку и темно-зеленые штаны, высушил черные кудри и, довольный собой, проследовал на кухню.

Нэнси накрывала завтрак в гостиной, так как, по знаменитой теории знаменитого нутрициста, важно было принимать пищу в приятных антуражах.

На большой тарелке была разложена яичница в виде улыбающегося человечка с помидорами и сыром, сбоку – тосты, рядом – стакан с соком.

Накануне вечером Стивен заказывал продукты с целью восстановить нормальную жизнь дома, но такого никак не мог ожидать.

– Ого! Спасибо большое. Но, право, не стоило. Мне даже как-то неловко.

– Нет-нет, это часть терапии. Присаживайся, пожалуйста. Себе я тоже, с твоего позволения, сделала, компенсацию мы отправим тебе на карту или можем выдать сертификатом в любой продуктовый магазин, как тебе будет удобно, это часть бюджета.

– Нет, что ты, пару яичниц в день я могу себе позволить.

– Как пожелаешь. Это твое право, но я должна была предложить.

Нэнси сфотографировала блюдо.

– Могу я тебя отметить на фото?

– Хм... Ладно. – Стивен подумал, что, видимо, это часть терапии и сопротивляться не стоит.

– Как прошел твой вчерашний день?

Стивен принялся в подробностях и в лицах рассказывать о работе, о первом за неделю завтраке и даже о забавной молодой маме, бегавшей вокруг коляски. Нэнси применяла техники активного слушания, сама почти ничего не говорила, но соглашалась, удивлялась, театрально поднимая брови, улыбалась и на шутки реагировала смехом.

– Теперь я сварю кофе. И скажи, пожалуйста, что тебе принести на десерт? Круассан? – уточнила она, демонстрируя, как внимательно выслушала отчет про день Стивена.

– Я не помню, купил ли я их вчера. Но я сам схожу.

Стивен встал. Нэнси ничего не сказала и, сварив кофе, вернулась в гостиную.

– Твое задание на завтра: научиться принимать приятные знаки внимания. Если я сказала, что все принесу, значит, мне нравится так делать, мне это не в тягость. Понимаешь?

– Мне просто неудобно.

– Это ненужное и очень странное чувство – «неудобно». Давай разберем. Тебе стыдно?

– Нет... Не совсем...

– Тогда тебе неприятно что-то получать от меня?

– Нет. Совсем нет. Ты очень милая.

– Стивен, тебе также нужно научиться выражать свои чувства и эмоции понятным языком. Это будет второе задание.

– Хорошо, – поспешно сказал Стивен только для того, чтобы завершить эту беседу.

– Я все уберу, а ты собирайся на работу.

Нэнси даже разобрала соковыжималку, что в прежней жизни Стивена почти никогда не делалось после завтрака, обычно «когда-нибудь потом».

– Сегодня необходимо встретиться также вечером. Когда ты сможешь вернуться?

– М-м, я не знаю, могу сильно задержаться, вчера после десяти пришел. Я позвоню.

– Ладно, вот мой номер. – Она набрала. Не услышав звонка, Нэнси начала интуитивно искать глазами телефон.

– Он в спальне, наверное. Или в ванной.

Телефон лежал на подставке для обуви в прихожей, включенный на беззвучный режим.

– Больше не буду задерживать. Пока.

Одевшись, Нэнси подошла к Стивену и быстро поцеловала его в щеку.

«Очень интересная терапия», – подумал он и решил, что если нужно согласиться выслушать немного назиданий в обмен на завтраки в приятной компании, то не стоит отказываться.

По дороге на работу Стивен заскочил в «Бриошь» поздороваться с Лиз и оттуда вызвал такси, хотя обычно пользовался своей машиной.

Адель была на выездном задании в музее традиционной живописи, Искандер – на открытии очередной галереи, и, закончив со срочными делами, Стивен пошел в студию.

Винсент и Моника обсуждали в прямом эфире экономические новости. Стивен вошел в аппаратную, когда Винсент оповещал радиослушателей о волатильности на рынке энергоносителей, которая не касалась Королевства, потому что энергию в нем давно вырабатывали с помощью солнца, гейзеров и прочих «альтернативных» источников.

– Прости, пожалуйста, а что такое «волатильность», – поинтересовалась Моника, не владевшая, по-видимому, иностранными языками.

Винсент пояснил, после чего она своим чувственным голосом, который был одним из главных факторов популярности передачи, прочитала свою часть текста, где не было никаких «волатильностей», но были «деривативы», приведшие веселую Моника в ужас, однако она с таким выражением читала незнакомое слово по слогам, что можно было подумать, будто она делала на нем особенный акцент.

В студии шутили, и даже всегда серьезный оператор улыбался. Еще пару недель назад Стивена раздражала бы эта ситуация, ему вообще не нравилась не очень сообразительная Моника, постоянно, как ему казалось, задававшая глупые вопросы и главное – нисколько не смущавшаяся при этом. Он даже хотел поговорить с Филом по поводу ее замены для обозрения экономических новостей. Но сегодня он с интересом слушал ее забавные замечания, и ее манера читать по слогам незнакомые слова с усердным придыханием только умилила его.

«С тех пор как мы начали демонстрировать Монике с Винсентом на сайте, рейтинг экономических новостей неуклонно растет», – говорил ему мистер Стивенс, к которому он зашел после студии поделиться впечатлениями.

Около семи вечера Стивен вспомнил про Нэнси. «Неудобно, надо ей сказать, чтобы сегодня не приходила».

Он написал сообщение: «Нэнси, привет. Я еще на работе. Можно, пожалуйста, сегодня отменить, так как вернусь примерно через полтора часа?»

Получил ответ: «Не беспокойся. Напиши, пожалуйста, как будешь выходить».

Открыв дверь дома, Стивен услышал музыку. Не снимая обуви, он прошел в гостиную.

Стол был накрыт, а Нэнси в простом, но изящном платье зажигала свечи.

– Привет, я тебя жду. Надеюсь, ты не против небольшого вторжения? – как всегда улыбаясь, говорила она.

Стивен не знал, что сказать: с одной стороны, очень неприятно, что она была здесь без него, возможно, заходила в его спальню, разглядывала его личные вещи, но с другой – Нэнси была так мила, приветлива и очень красива. К тому же, он был страшно голоден, а из кухни прекрасно пахло.

Когда он вернулся в гостиную, на столе уже были бокалы, вино и посередине – большая тарелка с тушей некоей птицы. Стивен вспомнил, что такое он в последний раз ел у тети Бет на Рождество.

– Индейка с черносливом, – проговорила Нэнси с таким выражением и даже гордостью, как будто они в театре и объявляют выступление величайшего тенора.

Помимо индейки живописным полукругом были разложены закуски: овощной салат с орешками и каперсами, сыры и холодное мясо.

Нэнси снова интересовалась днем, приносила, уносила, поясняла про маленькие порции на ужин.

На десерт был легкий мусс, так как ее нутриционист советует не наедаться на ночь. А еще лучше – немного прогуляться перед сном.

Они вышли в парк, и Нэнси рассказывала про принципы здорового образа жизни, про правильный и полноценный сон, и часто фотографировала.

– Понимаешь, важно, чтобы все знали, что у тебя все хорошо, – поясняла она недоумевавшему Стивену.

Золотистая листва так блестела в свете фонарей, что казалось, что и она излучает свет. Аккуратные дорожки были заасфальтированы, скамейки покрашены в жизнеутверждающие оранжевый и желтый. В огороженных зонах с надписью «для выгула собак» слышался лай.

Навстречу им попался пожилой господин с палками, занимавшийся скандинавской ходьбой. Он смотрел не вперед, а себе под ноги, поэтому чуть было не столкнулся с Нэнси и Стивеном. Он поднял на них глаза. Взгляд у него был сосредоточенный и грустный, что выглядело необычно на фоне улыбавшейся старушки, сидевшей на скамейке, и остальных веселых людей на улице. Когда он встретился глазами со Стивеном, в его необычно больших голубых глазах даже появился какой-то ужас и отчаяние. Стивену стало неприятно, и он быстро отвел взгляд.

– Странный какой-то старик, – сказал он Нэнси и взял ее под руку.

– Уже поздно, пора домой.

– Давай я тебя провожу. Или вызову такси.

– Я сама вызову.

Через пять минут подлетела желтая капсула. Чмокнув Стивена в щеку, Нэнси ловко запрыгнула в нее, и та быстро исчезла за соседним небоскребом.

В эту ночь спал он плохо, снился ужасный сон: на него пыталась напасть разъяренная толпа людей со скандинавскими палками, они грозили ему и выкрикивали, что он еще пожалеет, о чем – толпа не сообщала. Проснувшись, он выпил успокоительную таблетку. Когда он снова уснул, ему виделось, как он шел по лесу и вдруг услышал тихий плач старушки. Она провалилась в болото и просила вытащить ее. Стивен подошел, взялся за руку и удивился, какая мягкая и нежная была кожа. Он посмотрел на руку и с удивлением обнаружил, что она выглядит как рука молодой женщины. Это показалась ему странным, но он помог ей. Старушка сначала попросила его подойти ближе и погладила по голове. И когда Стивен не ждал никакого подвоха, она откуда-то вытащила ракетку для бадминтона и с такой силой ударила его по голове, что он упал. Он стал подниматься, но старушка принялась бить его этой ракеткой. При этом выражение лица у нее было доброе и ласковое, она даже напевала что-то вроде колыбельной. Когда Стивен совершенно обессилел, она выхватила нож и хотела вонзить ему прямо в сердце, но из последних сил Стивен вывернулся, и она попала в ногу.

В ужасе Стивен снова проснулся. Подошел к окну. По улице ездили машины, около дома напротив приземлилось желтое такси, в некоторых окнах горел свет.

«У нас не бывает так, что ничего не происходит, всегда кто-то куда-то едет или что-то делает. И наверняка кто-то это фотографирует. Какого черта я выкинул весь виски? Ну и что теперь делать с этим здоровым образом жизни? Мне ничего не мешает быть счастливым, – вспоминал Стивен сегодняшние слова Нэнси. – С Иветт мы давно стали чужими людьми, поэтому я должен радоваться, что мы наконец можем не мучить друг друга неловкими паузами». Умом он со всем этим соглашался и даже в глубине души был благодарен Иветт за то, что она избавила его от тяготившего их обоих состояния, когда ты сидишь за одним столиком в ресторане, смотришь то на часы, то в телефон и раздраженно говоришь: «Ну когда наконец принесут хотя бы салат», а на самом деле думаешь: «Когда же прекратится это мучение»... Когда не о чем говорить, когда мысленно ты где-то в другом месте и с другими людьми, пусть даже менее знакомыми, но с которыми легко и непринужденно. Стивен смотрел на небо и вспоминал, как мама показывала ему зимой Малую Медведицу и Полярную звезду в ней и потом рассказывала про Коперника. Особенно он запомнил про то, как тот, будучи уже известным ученым, оставил работу в университете в Праге и отправился в родной город выручать мать, обвиняемую в колдовстве. Он вспоминал и отца, который читал ему Экзюпери и Булычева даже тогда, когда Стивен уже давно умел читать самостоятельно, как они строили кораблики, конструировали воздушных змеев и придумали назвать маму «доктор Дулиттл», потому что она постоянно жалела каких-то брошенных животных и у них дома бывал мини-зоопарк до тех пор, пока откормленные, вылеченные обитатели не передавались в надежные руки.

Он думал, что сейчас пожаловался бы маме на одиночество, чтобы она утешила и пожалела, а папе рассказал бы, какая красивая у Нэнси грудь и что, наверное, стоит перейти с ней на более близкие отношения – в целях терапии, само собой.

Но рядом был только робот С-1025, запрограммированный на мойку раковин, туалета и ванны, который был вместе с пылесосами и прочими принадлежностями спрятан в шкафчике в санузле.

Вспомнив, что завтра собрание у мистера Стивенса ровно в девять, Стивен вернулся в спальню и заставил себя заснуть.

В восемь его разбудила Нэнси.

Несмотря на дурную ночь, Стивен проснулся бодрым и искренне обрадовался ее увидеть.

Вчерашнюю индейку Нэнси забрала, сообщив, что всю лишнюю еду они собирают для фонда помощи брошенным животным, хотя скоро, конечно, таких у нас не останется, так как добрые счастливые люди не будут так жестоко обращаться с домашними питомцами.

Стивен спросил Нэнси, нельзя ли в ответ на ее кулинарные старания пригласить ее сегодня в ресторан, на что она с радостью согласилась.

– Я пораньше сегодня освобожусь и заехал бы за тобой около восьми.

– Лучше напиши мне куда, и я подъеду.

Стивен давно так не суетился перед походом в ресторан. «Как будто на свидание», – подумал он, поливая себя туалетной водой.

Уверенный в том, что Нэнси опоздает, он не торопился и приехал на десять минут позже. Однако Нэнси уже сидела за столиком у окна.

– Молодец, что заранее забронировал, я очень люблю здесь вид из окна, но эти столики всегда заняты.

На ней было простое темно-синее платье, оголявшее ключицы, густые черные локоны красиво ложились на худенькие плечи, и мужчины с соседних столиков постоянно оборачивались, чтобы посмотреть на Нэнси... Впрочем, женщины тоже оборачивались. Высокий, худощавый, в приталенном пиджаке и синих зауженных штанах, Стивен мог бы позировать для обложек модных журналов. Большие карие глаза обрамлялись густыми черными ресницами, которым в школе завидовали все девочки. В детстве Стивен смущался от этого и, чтобы не быть никак похожим на девчонку, просил парикмахера обстригать его почти налысо и даже спра-

шивал, можно ли подрезать ресницы. Через несколько лет, пользуясь большой популярностью у женской половины университета, Стивен уже очень положительно воспринимал достоинства своей внешности. Каково же было разочарование всех красавиц курса, когда он сразу после окончания учебы женился на маленькой, полноватой и не очень привлекательной Иветт.

Нэнси сосредоточенно листала меню на интерактивной панели в углу столика: напротив каждого блюда располагалась информация об энергетической ценности, а также времени ожидания.

Она нажала на одну из картинок: «Салат „Легкий вечер у моря“ порадует вас изысканным сочетанием морских продуктов, зелени и помидоров. Чтобы узнать лист ингредиентов – нажмите 1, для лучшего по сочетанию горячего блюда – нажмите 2, если у вас аллергия на какой-то из компонентов и вы бы хотели исключить или заменить их – нажмите 3 для помощи персонала. Спасибо», – проговорил приветливый электронный голос. Нэнси что-то нажала. «Спасибо за ваш выбор. 2, лист ингредиентов», – продолжил компьютер.

Стивен сразу нажал 3, и к нему подошла девушка с голубыми волосами и в форме моряка. – Здравствуйте, рады вас видеть. Чем могу помочь?

– Можно мне, пожалуйста, стейк, медиум и овощи гриль? И еще бутылку красного, «Медок», вот этот, – отчеканил Стивен, указав на нужные строчки меню.

Разобравшись с ингредиентами, Нэнси одобрила «Вечер у моря» и решила им ограничиться.

– У них обновилось меню, здорово. Это один из моих самых любимых ресторанов. Как ты угадал? – щебетала Нэнси, яркой заколкой в волосах напомнившая Стивену какую-то птицу с экзотического южного острова, где всегда тепло, солнечно и хорошо. Она постоянно и приятно пела, Стивен не очень различал слова, но со всем соглашался, на вопросы старался отвечать так, чтобы ответ ей понравился. От этого Нэнси еще больше улыбалась и одобрительно кивала головой. Стивену было забавно, как серьезно она воспринимает все эти психологические теории, как дает ему задания на ассоциации, а потом поясняет очевидное с сосредоточенным видом, чтобы ничего важного не упустить.

После ресторана Стивен предложил ей поехать к нему и остаться, а с утра он обнаружил средства для снятия косметики и ее щетку в ванной и невольно улыбнулся. Впрочем, теперь он бы хотел, чтобы она почаще на всякий случай собирала свои принадлежности. «Пожалуй, только не стоит ей пока предлагать переезжать. Иногда хочется одному побыть, не выгонять же ее потом».

Приближался день рождения Стивена, тридцатилетие. Он бы и забыл об этом, так как возобновил регулярные занятия карате, много работал, писал юмористические заметки в небольшой некоммерческий журнал на общественных началах – если бы не Нэнси, которая полностью взяла на себя обеспечение его быта.

– Как ты собираешься праздновать свой день рождения? – спросила она за три недели до события, когда они, теперь уже по обыкновению, обедали вместе в маленьком ресторанчике недалеко от бизнес-центра, где располагался «Попугай».

– Хм... вообще-то никак. Последний раз его организовывала тетя Бет, когда мне исполнилось восемнадцать, потом мы пару раз напивались где-то с Майклом и Стюартом, а с тех пор как Стюарт переехал работать в университет в другую страну, а Майкл то и дело в разъездах – как придется. Иногда просто встречаемся, когда получается, и уже все поводы вместе отмечаем. Стюарт лидирует по новостным поводам: Стюарт стал доктором наук, Стюарт женился, у Стюарта родилась дочь. Мы с Майклом блекнем на фоне светила.

– Ладно, не скромничай. Стивен получил награду за лучшую программу по популяризации японского кино от японского посольства, Стивен – журналист года, Стивен организовал программу мастер-классов по написанию текстов для подростков.

Стивен удивился такой осведомленности о его достижениях, к своему стыду он вынужден был признать, что ничего не знает о Нэнси.

– Нэнси, у тебя есть брат или сестра? – поспешно спросил он. – А где твои родители живут? А двоюродная тетя есть?

– Стивен, не стоит сейчас пытаться собрать отсутствующие про меня сведения. Я тебе изложу подробно позднее. Итак, мы говорили про твой день рождения. Если ты позволишь, пожалуйста, мне самой заняться, то я сделаю на свое усмотрение. Хорошо?

– Прекрасно, – сказал Стивен, совершенно не подозревая о выдающихся организационных способностях Нэнси, которые та жаждала применить.

Три недели пролетели незаметно, и к заветному дню в декабре Нэнси была в полной боевой готовности, как и армия других участников события. Стивен жил своей обычной жизнью и ничего не подозревал. Сюрпризы начались, когда Нэнси, не оставшаяся у него ночевать, пришла с утра, одетая в красное белье с бантиками, и разбудила его, нашептывая: «Твой утренний десерт готов». Стивен с удовольствием десерт принял. Завтракали они на крыше башни в центре города, и когда Нэнси попросила его посмотреть в окно, мимо пролетал воздушный шар с надписью, которая заставила Стивена чувствовать себя ужасно неловко: «Жди 30 сюрпризов». Он начал было объяснять Нэнси, что все это слишком торжественно, что так не нужно было и вообще у него много дел и прочее, но она не слушала и только нажимала кнопки, и по команде появлялись музыканты, устрицы, шампанское. На работе его встретили шариками, все были одеты в нелепые футболки с поздравительными надписями – не только их отдел, но вся редакция и даже студия. Он надеялся, что хоть мистер Стивенс не поддастся всеобщему сумасшествию, но каков же был его ужас, когда в кабинете босса он застал и миссис Стивенс в той же идиотской футболке и с эклерами, на каждый из которых было нанесено его имя. Ему хотелось куда-нибудь сбежать, исчезнуть, так, чтобы его не могли найти. Нормально поработать, конечно же, не удалось. Звонили из Главного управления делами СМИ и поздравляли. Сладости, непременно ручной работы, с его инициалами и цифрой 30, присылали даже люди, о которых он первый раз слышал. «Может быть, мне сразу умереть, – подумал Стивен, – заодно все уже готовы, такой толпы я к себе на поминки ни за что не соберу».

К концу дня, измученный, раздраженный, ненавидящий себя и окружающих, он прежде всего желал разбить телефон Нэнси, где содержались все эти ненавистные кнопки, которые запускали адскую машину по его ублажению. «Неужели не понятно, что все удовольствие закончилось на утреннем сексе? Вот им бы можно было и ограничиться. Или, если очень хотелось поздравить необычно – просто повторить».

Кульминацией была вечеринка дома у Стивена.

Был вызван с важной конференции Стюарт, Майкла доставили специальным вертолетом из каких-то то ли африканских, то ли сибирских далей. Этому Стивен был действительно рад. Стюарт стал еще более худощав, а Майкл, напротив, пополнел. Со Стюартом они сидели за одной партой в школе, а Майкл развлекал Стивена в университете в обмен на решенные тесты по немецкой грамматике и цитаты Бэкона, которых Майкл никак не мог запомнить. В итоге Майкл, которого родители прочили в дипломаты, занялся бизнесом и весьма в этом преуспел. По задумке Нэнси они прибыли раньше всех, чтобы дать возможность пообщаться без толпы, а сама Нэнси суежилась с прибывавшими доставками еды и алкоголя. Для подготовки коктейлей были выписаны лучшие бармены, само собой. Стивен уже не обращал на все это внимания, так был рад видеть «этих двоих». Собрать друзей было действительно сложной задачей, и за ее выполнение Стивен простил Нэнси всю остальную вакханалию этого дня.

Стюарт показывал фото жены и малышки и увлеченно рассказывал об очередном научном проекте – и на этот раз «самом интересном и увлекательном». Майкл никогда не говорил про работу, но постоянно живо описывал разные передраги, которые могли закончиться трагически. Для кого угодно, но не для никогда не унывавшего Майкла. То он не мог выбраться

из тайги и встретил там медведя, то его забыли на каком-то тропическом острове, потому что он напился, вывалился из яхты и едва не утонул. Стивен всегда пытался понять подробности, потому что истории иногда выглядели совершенно неправдоподобно, но даже если он в чем-то их приукрашивал, делал он это так мило, непринужденно и сам так искренне во все это верил, что ему никто не возражал.

Около десяти начали собираться гости: Искандер со своей девушкой Мией, Винсент, Адель, которой чрезвычайно шла морская форма. Нэнси заставила всех в нее одеться, ибо концепция была – корабль, совершающий средиземноморский круиз, а Стивен – капитан. Майкл пришел в восторг от своей формы, то и дело позировал и перед дежурным фотографом, и перед остальными, изображая то сурового Посейдона, то развязного матроса, то серьезного боцмана. Когда в очередной раз в дверь позвонили и Нэнси попросила Стивена открыть, на пороге он обнаружил иссохшего мужчину лет сорока с бритой головой и длинной узкой бородкой. Тот сложил руки в намасте и поклонился. Подбежала Нэнси:

– Это Ну Пао, мой хороший друг. Он уже почти отказался от пищи. Скоро перейдет на питание солнечной энергией.

– Для этого нужно еще много работы. Работы над собой, – тихо и вкрадчиво глядя Стивену прямо в глаза, говорил Ну Пао.

Стивен тоже поклонился просветленному Пао и, решив держаться от него подальше, отклонялся со словами о том, что ему нужно бежать к остальным.

В прихожей Нэнси устроила корабельный реквизит, и все, не переставая, фотографировались с ним.

В дверь снова позвонили, и на пороге появились два здоровенных парня, которые держали на руках девушку, одетую в костюм Русалочки.

Нэнси, закатив глаза к небу и тяжело вздыхая, запричитала:

– Лулу, ну я же говорила – морской наряд, ну там фуражка, тельняшка. Я же присылала картинки, как должно выглядеть, и еще спрашивала, все ли понятно. – В ее глазах застыл ужас. – Или ты что, перепутала? На следующей неделе вечеринка по мультикам, и там ты – Русалочка! А сейчас же день рождения Стивена.

Лулу в еще большем ужасе смотрела на Нэнси, готовая от горя разрыдаться.

– Как же так, – тихо оправдывалась она, – я же записывала, записывала... – И начала что-то проверять в телефоне, спрятанном в маленькой сумочке с чешуйками, тщательно подобранной в соответствии с образом.

Увидев Лулу, Стивен выхватил ее из рук носильщиков.

– Лулу, милая, привет, как же я рад тебя видеть! А ты что, костюм перепутала?

Лулу с виноватым видом сняла с себя хвост и теперь, в обтягивающих синих легинсах, выглядела как гимнастка в цирке.

– Прости меня, Стивен. С днем рождения, – сказала она, повиснув у Стивена на шее.

Лулу была известным бьюти-блоггером, а Стивен познакомился с ней на одном из благотворительных вечеров. Ввиду универсальной безупречности своей внешности Лулу могла снимать сюжеты и про то, как похудеть, правильно питаясь и регулярно делая нужные упражнения – Лулу с серьезным лицом и отведенной назад попой демонстрирует, как добиться идеальных ягодичек; и про домашние средства для волос – Лулу с той же серьезной сосредоточенностью намешивает нечто из яиц, кайенского перца и прочих средств, «завалывшихся, конечно, у всех дома», и затем наносит на свои длинные, густые волосы. Как на самом деле звали Лулу, никто не знал, как и то, какой у нее был при рождении цвет глаз, потому что под каждый свой образ она подбирала соответствующие линзы, и волосы тоже могли быть то розовые, то голубые, в зависимости от обстоятельств, тематики вечеринки или просто настроения Лулу.

– Не переживай, ты всегда неотразима. Меркнут звезды и луна, лишь двери распахнет она, – представил Стивен Лулу собравшимся. – Прекрасная Лулу. Только сегодня и только у нас.

После еды, коктейлей и танцев, какие позволяла просторная гостиная Стивена, которая, тем не менее, никогда не казалась ему такой тесной, все выбежали смотреть салют. После чего гости стали разъезжаться по домам. Количество выложенных фотографий с придуманным Нэнси хештегом «#stevenshappy30» значительно превысило даже ее амбициозные планы. Нэнси была очень довольна, вечеринка удалась. Стивен шутил, улыбался, хотя и был хмур днем (над этим стоит и дальше работать – заключила оптимистичная и уверенная в себе Нэнси).

Когда они вернулись, обнаружили Лулу уснувшей в кресле.

– Надо ее разбудить и посадить в такси.

– Ни в коем случае, – возразил Стивен, аккуратно поднял хрупкую Лулу и перенес на диван в гостиной.

Объяснять неправильность его поведения сегодня у Нэнси уже не было никаких сил, но она поставила себе заметку в телефоне: «Неверное представление о том, что может обидеть окружающих. Неспособность твердо обозначить свои границы и делать так, как себе удобно».

На выходные, последовавшие за бурной праздничной пятницей, Стивен отпросился у Нэнси побыть один: эмоциональная перегрузка была слишком высока, и нужно было прийти в себя в тишине и уединении. Нэнси не одобрила, но согласилась, учитывая исключительность события и то, что «он пока не привык» жить полной насыщенной жизнью. По поводу объяснений он не стал спорить, главное – удалось получить драгоценные минуты без суеты и людей вокруг.

С утра в субботу Стивен поехал навестить могилу родителей и тети Бет. Купил цветов и краски для могильной ограды, которая, как он полагал, могла облупиться с последнего его визита почти год назад. Давно уже работник на кладбище занимался «поддержанием памятников и надгробий в надлежащем состоянии», и сумма на это поддержание ежемесячно автоматически списывалась с карты, но Стивен хотел хоть что-то делать сам.

– Привет, мама, я тебе расскажу, ты не поверишь, вчера Нэнси – помнишь, я рассказывал, девушка из Психологической службы – так вот она устроила какое-то немислимое мероприятие. – Стивен в подробностях пересказал события дня. – Да, я согласен, пап, что все это перебор. Но она так старалась. И главное – толстяка и мистера Бина вытащила. Мистер Бин стал отцом и совершенно сходит от этого с ума, искренне получает удовольствие. Я не знаю, смог бы так. Слишком большая ответственность. Я пока только за Адель могу отвечать. Но с ней-то никаких хлопот – ни подгузников, ни еды в баночках, ни этих, как их там, зубопрорезывателей. Мистер Бин даже от них в восторге... Я тебе уже рассказывал историю про Мигозетти и копыя? Прости, видишь, старею.

Тетушке Бет он приносил ее любимую выпечку и клал птичкам в кормушку. Так они часто делали с ней вместе.

После этого он просто сидел рядом, молчал и даже не мог сказать, о чем именно думал. Тишина в лесу совсем не такая, как в городе: из абсолютно ничего – вдруг стук дятла, и начинаешь в нем различать оттенки и даже мелодию – то анданте, то виваче. А потом – кукушка или стук колес с железной дороги вдали и пронзительный гудок поезда, который в городе теряется в общем шуме, а здесь так ясно, так отчетливо позволяет почувствовать контраст между нежным, аккуратным, сомневающимся шелестом листвы и прорывающимся сквозь чащу уверенным приветом от человека. Эта тишина окутывает, убаюкивает, можно послушать, как размеренно бьется сердце, хотя бы немного навести порядок в рое мыслей, послушать, что хочет сказать душа, которую в городе приходится всегда прятать, чтобы вставать каждый день, бежать на работу, говорить неправду, улыбаться, когда хочется поколотить; душа, которую некогда слушать, потому что она всегда хочет что-то не то, что нужно, чтобы жить нормальной жиз-

нюю, которую пыталась заставить его вести Иветт по наитию, а теперь Нэнси – уже с профессиональным подходом.

Но на этот раз Стивена тревожила одна мысль: на прошлой неделе выяснилось, что готовится проект закона, по которому нельзя будет приезжать на кладбище, так как это противоречит задаче нашего государства способствовать тому, чтобы каждый гражданин всегда находился в радости и счастье. Проблема была особенно в том, что представители общественности высказались положительно и поддержали: дескать, смерть – естественное явление, нечего тут грустить, а похороны – на аутсорсинг. Постепенное обращение всех в принудительное счастье приводило Стивена в ужас, но ему даже не с кем это было обсудить, потому что все вокруг думали так же, как Нэнси.

Домой он вернулся хотя и с облегчением от того, что наконец съездил навестить родителей, что давно собирался сделать и все никак не мог, но в еще большей печали, чем уезжал.

Вечер прошел за пищей в сообществе Миядзаки, а воскресенье – за карате с утра и творчеством Рюносукэ – вечером.

Приближался Новый год, и улицы были украшены, одна другой красочнее. На главной площади был огромный светящийся Санта в окружении оленей и эльфов. На окнах небоскребов – серебристые снежинки, шарики, звездочки. На все возможные устройства связи приходили сообщения: «Не можете выбрать девушке подарок? Бриллианты по лучшей цене». Или: «Новый год – самое время обновить духовой шкаф/холодильник/робота для мытья кафеля». Предлагались скидки даже на услуги роддома. Увидев это сообщение, Стивен на мгновение подумал, что так отстал от технологического прогресса, что тот дошел до ускорения и этого до сих пор неоптимизированного по времени, слишком длительного с точки зрения скорости всего происходящего вокруг процесса. Мамы с детьми бегали по мастер-классам по изготовлению украшений на елку из самосшивающейся ткани, самосклеивающейся бумаги и даже самослепляющегося пластилина (нужно было научиться писать программу, чтобы из 3D-принтера вылезало пластилиновое чудо). Для хорошей мамы задача была успеть, конечно же, на все сразу, иначе ребенок так и остался бы «непродвинутым» и «неразвитым».

Убедив Стивена, что так будет лучше, Нэнси переселилась к нему жить, но с условием, что ему будут оставлены его одинокие выходные хотя бы раз в две недели. Они ходили на вечеринки, Стивен почти всегда улыбался на фотографиях. Была одна проблема с книгами, которые он от Нэнси должен был прятать.

Новый год решено было отмечать у знакомых Нэнси, у них был большой загородный дом, вокруг – холмы, покрытые снегом, недалеко – каток, лыжные трассы.

Обычно Стивен с грустью ожидал Нового года. После того как погибли родители, этот праздник особенно напоминал о том, что никто не будет читать с ним Диккенса, не будет маленьких записочек под елку – у них была традиция класть туда не подарки, а пожелания, не будет совместного написания письма и изготовления открытки тете Бет, а потом и веселой поездки к ней в гости, запаха булочек с корицей, которые мама считала нужным вести с собой, потому что «у них» их пекли по-другому, и долгих вечеров конструирования всего чего только можно и научных экспериментов по советам журнала «Юный изобретатель» с отцом, который, наконец, оказывался всегда дома.

В этом году Стивен спокойно смотрел на всю эту суету, без раздражения удалял сообщения про то, куда надо было спешить на распродажу, и даже зашел по одной из ссылок и купил Нэнси сережки и кольцо.

Нэнси же пребывала в радостном возбуждении, покупала подарки, отправляла открытки с забавными пожеланиями, на электронном календаре, который она поставила на журнальный столик в гостиной, была запрограммирована на каждый день тематическая песня: то «Jingle bells», то «We wish you a merry Xmas», то «В лесу родилась елочка», то неизвестные Стивену «Snowy days that make you happy» и «Get some mandarins and smile». Она везде раскладывала

ароматизаторы с запахами корицы, мандаринов и хвои и считала, что так они лучше погрузятся в атмосферу и настроятся на праздничный лад. Стивен отмечал про себя несходство имитатора корицы с оригиналом и думал, что современная химическая промышленность хоть и шагнула вперед, но еще имеет перед собой, как говорил глава государства, «Эм-А-Зэ» – «множество актуальных задач».

Работы было особенно много, потому как программа развлечения, и обычно обширная, перед праздниками стала еще более насыщенной, а Стивен и сотрудники обзоредали и советовали, где же лучше предаться культурным увеселениям. В последнее воскресенье перед празднованием Нэнси уговорила Стивена пойти на центральный каток, потому что там кроме него уже все побывали, и она тоже, и потому что там очень весело, и музыка, и подсветка, и особенно романтично, когда падает снег.

Помимо этого, важным мероприятием была организация костюма: формы пилота для Стивена и стюардессы – для Нэнси, потому что концепция была ракетно-самолетная. «Отправляйтесь с нами в увлекательный и полный веселых приключений полет в следующий год, который будет еще более счастливым, чем этот» – гласило приглашение на новогодний вечер.

Для Стивена, несмотря на изначальное его сопротивление, костюм шили, потому что такого приталенного пиджака и зауженных брюк не нашлось, на придирчивый взгляд Нэнси.

Основная еда, алкоголь и развлечения обеспечивались соответствующими службами, преимущественно роботизированными, чтобы все могли отдыхать и веселиться. Те же, кто работал, получали дополнительную бонусную оплату или выходные дни. Потому что в Королевстве все должны были жить в счастье и процветании. Но так как модно было готовить дома, в приглашении Стивену и Нэнси значилось, что будет весьма поощряться кулинарный шедевр собственного изготовления и «ваше задание – индейка».

Нэнси долго искала лучший рецепт в интернете, с присущим ей перфекционизмом изучала отзывы на кулинарных форумах («Девочки, вы не поверите, мои чуть пальцы не проглотили») и прочие «Я много перИпробовала приправ к индейке и теперь могу вам проФеСиюнально сказать – эта the best, лучше всех раЗкрывает вкус этой птицы» и даже «Советую, не пожИлеете») и наконец, уверившаяся в верности выбора, остановилась на том, который предполагал шампанское и прованские травы для маринада, а клюкву и апельсины – для начинки.

Нэнси долго возилась со всем заранее приготовленным, а потом ушла делать прическу и макияж.

Стивен забирал свой костюм, и когда он вернулся домой, духовка сообщила своим электронным голосом: «Задымление в основной секции, задымление в основной секции». Она автоматически выключилась, реагируя на то самое «задымление».

Выкупанная в дорогом шампанском и нафаршированная «самой свежей, самой экологически чистой клюквой из районов естественного произрастания» индейка, не будучи знакомой ни с «Вдовой Клико», ни с ценами на био-продукты, изволила сгореть. Совсем.

Стивен рассмеялся: клюква вытекла, и выглядело так, будто пахнувшая шампанским индейка ею плевалась.

С праздничным макияжем и прической, особенно торжественная и оттого, как подумал Стивен, ставшая ему еще более чужой и непривычной, Нэнси вбежала на кухню, почувствовав неприятный запах.

– Надо было, милая, брать вертикальный солярий, да и не больше, чем на десять минут, – говорил он, держа в руках птицу с черными обуглившимися боками и сочувственно на нее глядя.

Нэнси изменилась в лице, оно исказилось от презрения, злобы, ненависти.

– Что за идиотские шуточки, Стивен. Со мной такого не могло произойти.

Стивен, никогда не видевший Нэнси с трясущимися от гнева руками и так злобно на него смотрящей, решил, что ей, конечно, обидно и надо ее утешить:

– Да ладно, Нэнси, это всего лишь индейка. Купим сейчас что-нибудь и принесем.

– Купим что-нибудь? В списке гостей напротив моего имени будет индейка собственного приготовления, а я, по-твоему, куру-гриль им должна принести?! Там не те люди собрались, чтобы невесть что невесть откуда есть!

– Я и не говорю невесть откуда, закажем в хорошем ресторане, что-нибудь наверняка работает.

– Работает, но нужно будет ждать! Это во-первых. Во-вторых, я не какой-нибудь неудачник, чтобы вот так просто сдаться!

– Нэнси, прошу тебя, не надо драматизировать такой пустяк. Я не думаю, что кто-то вообще заметит.

– Драматизировать можешь только ты, начитавшись своих слезливых книжек, а я всегда решаю проблему.

Она взяла планшет и позвонила по номеру продуктовой доставки: после обычных «Jingle bells» ожидания электронный голос произнес: «К сожалению, выбранный вами элемент в данный момент отсутствует».

Стивен отправился в спальню.

Минут через пятнадцать пришла Нэнси.

– Свежая индейка только у «Harpy's», будет через час. Тогда, когда нам нужно было бы быть уже у Литтлсоулов. Через пятнадцать минут такси.

Стивен не отвечал.

– Я не куда не поеду.

– Почему? – искренне удивилась Нэнси.

– Буду слезливые книжки читать.

– Ну и читай, зануда! – сказала Нэнси и захлопнула дверь.

Когда Нэнси ушла, Стивен почувствовал облегчение и даже радость. Все равно не хотелось ехать к Литтлсоулам, обсуждать их новую яхту и слушать, как Патриция критикует сервис в очередном пятизвездочном отеле.

В огромной медиатеке, оставшейся на компьютере отца, далеко не все еще было просмотрено.

Такеши Китано, «Ахиллес и черепаха» – выбрал он первый попавшийся файл. «Начать просмотр».

Когда у Матису, главного героя, погибли родители, Стивен решил было выключить, но история была слишком увлекательной.

На моменте, когда уже пожилой, но так и не добившийся успеха в живописи Матису в поисках новых форм и нестандартных эмоций поджигает солому вокруг стула, на котором рисует, и сам начинает гореть, позвонили в дверь.

На пороге стоял Майкл, из-под его распахнутой куртки торчала форма пилота, фуражка была набекрень, и сам он был красный и запыхавшийся.

– Стивен, какого хрена ты тут в домашних штанах накануне Нового года бродишь с унылым лицом?!

– Во-первых, здравствуй, Майкл, рад тебя видеть, – не в силах сдержать улыбку сказал Стивен. – Во-вторых, я кино смотрю. Очень интересное. Такеши Китано. «Ахиллес и черепаха». О нелепостях современного искусства и опасностях следования общественным стереотипам. Там мальчик...

– Слушай, все это, конечно, очень занимательно. Потом он топился в ванной, потом сжигался где-то там, а нежная и преданная японка все равно его не бросила. Но нас там ждут, я сам опоздал. И время уже десятый час, соберись быстрей.

Майкл широкими шагами прошел в спальню, закрыл компьютер и начал искать глазами костюм.

– Ну что стоишь, как статуя? Ты, конечно, ничего, Стивен, но я не любоваться на тебя приехал. Где твой костюм? Одевайся.

– Я... Я вообще-то не хотел. Мы с Нэнси поссорились.

– Какая нелепая отмазка. Тебе же дела нет до Нэнси. Ну еще скажи, что есть, не поверю. Больно уж правильная и вообще не психопатка. Короче, там нормальная компания. За исключением пары-тройки душных и пары-тройки скучных – пойдет. Лулу там. Жжет. Поехали, а? Я ради тебя в такую даль тащился, ты не поверишь. Даже девушку свою новую оставил с родителями праздновать.

– Ладно. Но только ради тебя.

– Да ладно, там Лулу очень интересовалась. Спрашивает меня: «Где же этот прекрасный мальчик с большими грустными глазами?» Так и сказала, клянусь! – Майкл для убедительности положил правую руку на сердце, хотя одевавшийся в ванной Стивен никак не мог этого видеть.

В прихожей Майкл взял с тумбочки флакон мужского парфюма, щедро опрыскал им Стивена и, похлопав его по плечу, довольно заметил:

– Ну вот, теперь готов к покорению всех гламурных вечеринок мира!

Пока они ехали на такси, Майкл с увлечением рассказывал, какая красивая его новая подруга.

– Бывшая модель! – с гордостью заявил он. – Но я считаю, что пока она со мной, ей не стоит работать. Так же должен поступить настоящий мужик. А?

Стивен не ответил, но одобрительно покивал головой.

– Тебе надо иммигрировать, Стивен. Туда, где приветствуются депрессивные. Куда-нибудь на север. Там ты сразу найдешь себе кого-нибудь. А тут с этим вечным курсом на позитив тебе не место.

– Я бы хотел сделать что-то полезное именно здесь. Чтобы все не окончательно отупели с этой их вечной радостью. Список литературы, по крайней мере, удалось расширить немного. Правда, кое-что с сокращениями. Ну хоть так.

– Стивен, твоя общественная деятельность до добра не доведет, поверь мне. Скоро у вас тут наказывать начнут за депрессию, помани мое слово. За тобой и так следят. Приставили эту Нэнси. Хотя если по мне, так она для тебя – идеальная пара. Пока ты от экзистенциальных мучений страдаешь, она тебе готовит вкусный завтрак. Скоро ты решишь написать великий философский трактат о том, для чего рожден человек, или что-то в этом духе, а она обеспечит твое, так сказать, ежедневное материальное существование, то есть поддержит жизнедеятельность твоего спортивного, подтянутого тела, пока твой никем не пойманный дух будет летать на просторах вселенной и искать вдохновения.

– Для совместного проживания вообще-то любовь нужна, а Нэнси я не люблю.

– Ох, Стивен, Стивен, как бы тебе объяснить... Не только та любовь, от которой люди вены режут. Я даже считаю, что та – как раз болезнь, от которой лучше лечиться. А то, что в книгах и фильмах – так оно не для жизни же. Если ты хочешь бороться за свои идеи, совершать великие дела – а ты же хочешь, – лукаво подмигнул Майкл, – то дома у тебя должен быть спокойный, надежный тыл. Без сложностей, красивая и ума чтобы в меру. Вот Лулу, да простит она меня, тебе, например, не подойдет. И с которой всегда отличный секс. Не могу судить наверняка, но предполагаю, что если Нэнси у тебя живет, то с этим в порядке. Так?

– Так. С этим в порядке.

– Вот и хорошо. В общем, подумай над этим на досуге. А сейчас – хватит делать страдальческую мину, надо немного развлечься.

Майкл, уже немного пьяный, неловко поправил фуражку, и она слетела у него с головы. И теперь, полный, неуклюжий, он пытался достать ее из-под переднего кресла. Стивен потянулся, достал ее и не смог сдержать улыбки, глядя, как Майкл поправлял ее у себя на голове, вытягивая шею, чтобы увидеть себя в переднее зеркало.

На пороге их встретила миссис Литтлсоул – высокая блондинка с накаченной грудью и губами.

– Привет. Я Патриция. Добро пожаловать! Проходите.

Стивен знал, как ее зовут, потому что они встречались раньше, а Майкл и вовсе пару часов назад от них вышел.

– Она просто тащится от своего имени. Вот и говорит всем по сто раз, – шепнул Майкл Стивену на ухо, когда они вошли в просторную гостиную на первом этаже.

Загородный дом Литтлсоулов часто мелькал в светской хронике, поэтому Стивен узнал светящуюся неонем барную стойку, над которой висели круглые лампы, черные кожаные диваны и серебристый, в тон стойке, журнальный столик, который создал Джек Моэн – один из самых знаменитых в мире дизайнеров. Патриция нажала кнопки на пульте, и гостиная погрузилась во мрак на секунду, потом на Стивена и Майкла сверху заструился луч света, и лампы на барной стойке разноцветно замигали.

– Стивен Маккуин, известный журналист. Пишет для... – Патриция забыла приготовленную речь. – Для разных популярных изданий, – после паузы сказала она, демонстрируя свою безупречную улыбку. – А Майкла вы уже знаете, известный бизнесмен.

В зале заплодировали.

– Пойдем выпьем, всего час до завершения года, а мы, как идиоты, трезвые, – сказал Майкл и потащил Стивена к стойкам с алкоголем.

– Берите бокалы и присоединяйтесь к нам, – как можно более бархатным и игривым голосом сообщила Патриция, обнимая Стивена за талию и так к нему прижимаясь, что он даже попытался отойти. – Основная вечеринка у нас в зимнем саду, – указала она рукой в сторону помещений, откуда слышалась энергичная музыка. – Ничего, что у нас в баре самообслуживание? Не хотели, чтобы были лишние люди. Увидимся. Чмоки, – послала она Стивену воздушный поцелуй.

– До чего же мерзкая, – пожившись, сказал Стивен.

– Ой, да ладно тебе, – ответил Майкл, уже наливший и себе, и Стивену виски. – За то, чтобы в новом году ты нашел себя, Стивен.

Тот удивленно посмотрел на него:

– Да я вроде на месте. Все в порядке, Майкл.

– Давай выпьем за то, чтобы министр культуры наконец согласился дать мне интервью, а то я начну возмущаться, Фил этого очень боится, а я не желаю зла ни Филу, ни его изданиям.

Майкл одобрительно кивнул, и пока Стивен думал, глядя на переливы света в стакане, он налил им вторую порцию.

– Там тоже есть что выпить. Пойдем к народу.

– А можно я здесь посижу, недолго? Пожалуйста. Я приду, обещаю, – сказал Стивен и направился со своим бокалом на диван.

Основной свет в гостиной был выключен, горели только лампы над барной стойкой и светильники над диваном. Стивен смотрел на тающий в бокале лед, тающий медленно и почти незаметно. А из-за стенки доносилась музыка, быстрая и энергичная.

Часть 2. Джули

– Я вам не помешаю? – робко спросил мягкий голос.

Стивен, представлявший, что и как он должен будет спросить у министра культуры, дернулся и резко отодвинулся на край дивана.

– Простите, я вас не хотела пугать.

– Нет-нет, все в порядке, это вы простите, пожалуйста, я... Я просто думал о своем. – И, непонятно отчего смущаясь, Стивен поставил бокал на деревянную ручку дивана.

– Понимаю, – тихо сказала девушка. – Я тоже пришла немного подумать о своем. Там шумно.

– Я – Стивен, Стивен Маккуин, – сказал Стивен и зачем-то встал, протянув девушке руку. Она тоже встала.

– Я Джули... Просто Джули, – сказала она и улыбнулась одними глазами.

Так как Стивен все еще не отпускал ее руку и пристально смотрел в глаза, Джули аккуратно освободила ее и посмотрела в окно.

– Здесь красивый лес, не правда ли?

– Лес? – удивился Стивен, ожидавший похвалы дизайнерскому столу или шарам над барной стойкой, на худой конец. – Давайте сядем.

Некоторое время они сидели молча. Стивен подумал, что не помнил, когда в последний раз ему было так неловко. Он хотел и в то же время не мог смотреть на Джули. И если бы его спросили, во что она была одета (хотя было очевидно, что она, как и остальные, была одета в форму стюардессы, только сняла свою фуражку) и была ли на ней обувь и тем более – какая, он не нашелся бы, что ответить. Все, что он мог бы сказать, что у нее соломенного цвета волосы и большие голубые глаза, немного навывкате. Она совсем не была такой красавицей, как Лулу или совсем не похожая на нее Нэнси, но Стивен мог уверенно уже тогда сказать, что был бы рад любоваться ею часами.

Она же, напротив, рассматривала Стивена очень внимательно и заключила про себя, что было, впрочем, неудивительно, что Стивен чрезвычайно хорош собой. А в синей форме пилота, которая была сшита специально под него стараниями Нэнси, и вовсе был неотразим.

– Я... – заговорили они вместе, и от этого рассмеялись.

Стивен подождал и, так как Джули не продолжила, сказал:

– Я – знакомый подруги Патриции. Или Эша, – засомневался он в том, кого же лучше знала Нэнси – мужа или жену Литтлсоулов.

– А нас пригласили друзья мужа.

– Очень жаль, – сказал Стивен сам себе, но по удивленному лицу Джули понял, что сказал это вслух. – В смысле, жаль, что я уже все выпил, – сказал он, указывая на стакан. – Пойдемте чего-нибудь нальем, за вас и за нашу встречу.

– Я вообще-то не пью, – сказала Джули. – У меня, знаете, голова болит потом очень. Но сегодня – особенный день.

– Ну давайте тогда что-нибудь безалкогольное. Я не хочу, чтобы у вас болела голова.

– Да нет, немного – ничего, я думаю.

– Нам показывали второй этаж, и там наверху есть картины. Замечательная коллекция импрессионистов. И есть даже подлинники.

Они поднялись на второй этаж, и Джули увлеченно рассказывала про каждую картину, время и обстоятельства ее создания. Стивен кое-что знал про импрессионистов, но не в таких деталях. К тому же, многое из того, что рассказывали на экскурсиях в музеях разных городов, куда его возила тетя Бет, он слушал рассеянно и позабыл. Стивен завороченно смотрел на то, как Джули изображала в лицах сценки из жизни XIX века, цитировала и художников, и их

друзей, и особенно похоже изображала галериста Дюран-Рюэля, именно таким, каким Стивен его представлял – спокойным, размеренным, всегда с безупречно прямой спиной и с трубкой, которую он в момент сосредоточенного рассмотрения картин держал, прижав к седым усам. У Джули тоже был высокий лоб и тонкие губы, и хотя внешне она, конечно же, больше ничем не была похожа на знаменитого галериста, было впечатление, что в нее вселился его дух, дух человека незаурядного, видевшего впереди своего времени, с безупречным художественным вкусом.

Внизу послышалась суэта, и по лестнице бежала Нэнси.

– Стивен, где ты ходишь? Через две минуты Новый год, – сказала она ласковым голосом, как мама, которая, потеряв ребенка из виду, радуется, что нашла его. Она взяла Стивена за руку и, холодно посмотрев на Джули, сказала: – Вас, Джули, тоже ищет муж.

Все спустились.

Стивен, все еще обиженный на Нэнси, освободил руку и отвернулся.

Часы в гостиной начали обратный отсчет громким механическим тиканьем.

– Да, жаль, что у нас тут дизайн – хай-тек. Для таких случаев, конечно, подошли бы такие большие деревянные часы, с кукушкой, – послышался жеманный голос Патриции.

– На «три» нужно кричать «ура» и «полетели», мы же на самолете, – прошептала Нэнси Стивену на ухо.

Стивен подумал, что надо бы, пожалуй, хотя бы рот открывать, изображая солидарность с толпой, а то не избежать беседы с Нэнси о том, какие именно события детства Стивена способствовали тому, что он теперь отказывается со всеми кричать «ура» и «полетели» (Нэнси непременно поняла бы, какие). От этой мысли ему стало совсем неприятно там находиться, особенно неприятен он стал сам себе. «Может, надо было все-таки сказать, что мне не нравится кричать со всеми, и выйти?» Но другой внутренний голос возражал, что он добьется только совершенно бесполезной ссоры с Нэнси, после которой они все равно поедут вместе домой, поэтому не было никакого смысла стоять на своем. Меж тем все кричали, заработала праздничная иллюминация.

– Для тех, кто не хочет выходить на улицу, салют имитируется дома, но не так зрелищно, конечно, – объявила Патриция в микрофон.

Кто-то активно хлопал Стивена по спине.

– Ну все, старик, я побегал. – Хотя очевидно было, что передвигаться уже изрядно напившийся Майкл быстро не мог. – Меня там самолет ждет, в городе. Эх, нет у меня выходных, приятель. Без сна и отдыха. Сам не проконтролируешь, ведь украдут как пить дать. Верно? – сказал он, вопросом обращаясь к Нэнси, после чего обнял ее и поцеловал в щеку. – Береги его, он у нас высокочувствительный, – хотел сказать Майкл, но вышло только «высокочусный».

Его охранники – два здоровых парня, почти вдвое выше Майкла – подхватили его за руки и повели в машину, а Майкл непрерывно кланялся и повторял:

– Очень рад, приезжайте в гости, у меня девушка – Эва Свенсон – ну знаете, знаменитая модель... Стивен, не грусти, – кричал он уже с порога.

– А ты что, грустишь? – подпрыгивая и дудя в трубочку из блестящей бумаги, которая раскручивалась и закручивалась туда и обратно, звонко спросила Лулу и так порывисто и эмоционально начала обнимать Стивена, что шампанское из ее бокала в левой руке пролилось ему на плечо и грудь.

– Ой, прости, пожалуйста, – запричитала Лулу и, прибежав с салфеткой, начала ею тереть плечо.

– Да ладно, – сказал Стивен, снимая пиджак. – Лучше скажи: где ты это взяла? – спросил он, указывая на дуделку. – Я думал, уже не осталось неэлектронных игрушек.

– А, это классная штучка, правда? Я тоже не люблю все эти бесконечные гаджеты, только путаница от них. Это я в ретро-магазине купила. Там еще такие есть. Тебе привезти как-

нибудь? – искренне поинтересовалась она. – Я могу поставить напоиналку к тебе в редакцию заехать, чайку с вашими эклерчиками попьем.

– Я думал, ты такого не ешь. Строгая безуглеводная или какая там диета. Нэнси все время тобой по этому поводу восхищается – видишь, так часто про это говорит, что я даже почти запомнил правильные слова.

– Да ладно, Нэнси, ты не хуже меня стройняшка, – сказала она, обращаясь к взявшей Стивена под руку Нэнси. – Но нельзя же себе всегда отказывать в маленьких удовольствиях. Иначе ну что это за жизнь? Жизнью надо наслаждаться. Но углеводов – да, в меру, – подмигнула она Нэнси. – А сейчас у меня кивано-детокс.

Нэнси, улыбаясь, смотрела на Стивена, дескать, я-то хотя бы не знаю, что такое кивано-детокс.

– Это какой-то сумасшедший японец придумал? – поинтересовался Стивен.

– Нет, – протяжно ответила Лулу. – Это такой фрукт – кивано – травянистая лиана семейства Тыквенные, вид рода Огурец. Растет в Калифорнии и Новой Зеландии.

Стивен решил, что от одного сочетания тыквы и огурца в одном фрукте можно похудеть.

– И что, надо просто смотреть на него и представлять вкус? Тогда есть вообще никогда не хочется.

– Да нет же, – совершенно серьезно ответила Лулу. – По вкусу он похож на огурец и банан. Нужно заменять им ужин.

– Ну да, вкус огурца в сочетании с бананом издревле считался чем-то вроде амброзии.

– Амброзию я еще не пробовала, – снова совершенно серьезно ответила Лулу. – Я поинтересуюсь потом у Нэнси. А сейчас мне пора бежать, со мной Эш сфоткаться хотел... В общем, с Новым годом! Ура, – прокричала Лулу и снова подула в свою разноцветную дудочку.

Стивен нашел глазами Джули, она стояла с мужем и беседовала с какими-то мужчинами, выправкой и манерами напоминавшими то ли военных, то ли государственных служащих: в напряженных позах и с подчеркнута серьезными лицами.

Нэнси прижалась к нему ближе и сказала:

– Стивен, прости меня, я была не права. Я больше никогда не буду с тобой так разговаривать. Я понимаю, что это проявление неуважения, а я... я тебя очень уважаю. Правда, – сказала она, повернувшись и посмотрев ему в глаза.

– Ладно, – сказал Стивен, не слушая ее и пристально глядя в сторону Джули. – Может, поедем домой? – вдруг спросил он.

– Домой? – удивилась Нэнси. – Тут все только начинается. Ты из-за пиджака расстроился? Так тебе и в рубашке очень хорошо. Стивен, ты здесь самый красивый, – сказала она, еще более тесно прижимаясь к нему.

– Нэнси, что за глупости, я просто устал, – сказал Стивен, немного отстраняясь. – А Майкл мне тебя всю дорогу нахваливал, говорил, что *ты* здесь самая красивая.

– Значит, мы – самая красивая пара, – довольно заключила Нэнси и поцеловала Стивена в щеку. – Может, останемся хоть на немножечко, а? – взяв его за обе руки и тонким детским голосом умоляла Нэнси. – Будет лазерное шоу через полчаса. Давай его посмотрим и поедем, хорошо?

Стивен покачал головой, дескать, что с тобой поделаешь, ладно. Тем временем Джули с мужем уже куда-то вышли, и Стивен потерял ее из виду.

Для лазерного шоу во дворе была построена сцена, с белой стеной посередине, примерно пять на пять метров, куда и делалась проекция.

Лазер рисовал самолет, потом в него начали заходить люди – каждый под свою мелодию, сходство было в фигуре, прическе, и все начали обсуждать, кто есть кто.

– Стивен, смотри-смотри, это мы с тобой, – от восторга Нэнси запрыгала и захлопала в ладоши так увлеченно, что забыла, что снимает все на камеру телефона. Ой, блин, – схватилась она за телефон. – Но ничего, наверняка все выложат потом в БФ.

Шоу завершилось тем, что самолет трансформировался в ракету, летевшую в космос. В финале из звезд составились цифры приходящего года, что вызвало искренний восторг даже у выдавших виды друзей и знакомых Литтлсоулов, и Патриция, вышедшая на сцену, пожелала всем еще больше радостей, а также возможности слетать в космос тем, кому хочется острых ощущений. Оказалось, что Эш, среди прочего, управлял одной из компаний, занимающихся космическим туризмом.

Воспользовавшись тем, что Эш утащил Нэнси для демонстрации то ли недавно отстроенного у них кинотеатра, то ли бассейна, то ли того и другого, Стивен отправился искать Джули. Она все еще была с мужем и беседовала уже с какой-то другой группой людей с такими же серьезными лицами. Стивен устроился на диване неподалеку, чтобы можно было, с одной стороны, не вызывать подозрений, но с другой – сразу подойти к ней, как только она останется одна.

Рядом села какая-то девушка и начала что-то говорить ему, но Стивен не слышал.

– Я и не знала, что вы такой хам, – громко возмутилась она после того, как Стивен не прореагировал ни на комплименты, ни даже на вопросы.

– Простите, вы что-то мне хотели сказать? – произнес он, рассеянно повернувшись к ней, но все еще глядя в сторону Джули.

– Уже ничего! – выпалила обильно просоляренная девушка с иссиня-черными крашеными волосами и демонстративно встала.

Стивен вспомнил сгоревшую индейку, улыбнулся и продолжил ждать. «Когда же, наконец, эти зануды отойдут, сколько можно так серьезно кивать и надувать щеки».

Вдруг все начали перемещаться в гостиную, к мужу Джули с его знакомыми подошел Эш и вышел с ними.

В гостиную вбежала Лулу в шапочке Санта-Клауса и с серебристой коробочкой в руке.

– Дорогие мои, успешные, талантливые и позитивные! Нам всем повезло, мы уже выросли, и у нас замечательная жизнь. И хотя Новый год уже наступил, мы решили немного продолжить наши добрые дела. Тем, кто поучаствовал в предновогоднем марафоне – огромное спасибо. Особенно нашему любимому Стивену, который не только пробежал сам, но и привлек внимание к проекту. Мы купили подарки всем-всем детишкам, от кого получили письма с просьбами. А теперь мы решили устроить небольшой флешмоб «Праздник продолжается» и просто раздать небольшие подарочки детям на улице. Так у всех продлится радостное настроение! На это нам не нужно много, поэтому давайте соберем прямо сейчас, сколько вам не жалко.

Все захлопали и принялись складывать в коробочку банкноты, соревнуясь, кто больше. Когда очередь дошла до Джули, она, как будто роясь в сумочке в поисках кошелька, медлила, но так как Лулу все еще держала шляпу около нее, положила в итоге меньше всех. Несмотря на то что никто не обратил внимание, сколько именно она положила, а Лулу и вовсе отвернулась, отвечая на очередную шутку про ее наряд, Джули чувствовала себя неловко и внутренне оправдывалась: «Во-первых, мы не знаем, нужны ли им эти подарки. Во-вторых, я лично плохо знакома с этой Лулу и компанией – где гарантия, что они вообще купят игрушки на все эти деньги? Нет, я не против, – продолжала она внутренне отбиваться от невидимых оппонентов. – Просто хотелось бы порядка и точности, и отчитываться же нужно».

Стивен, оказавшийся в другом конце гостиной, не заметил ее замешательства.

Когда наконец довольная сборами Лулу убежала и с ней в зимний сад начали перемещаться и остальные, Стивен быстро подошел к Джули.

– Мы сможем с вами еще когда-нибудь увидеться? – спросил он.

Джули задумалась.

– Не знаю, у меня обычно времени совсем нет. Но вот моя визитка, позвоните. Может быть, что-нибудь придумаем.

– Спасибо.

Джули ушла искать мужа, а к Стивену подошла Нэнси:

– Лулу тут собирала очередную благотворительность. Ты слышал?

– Да, все сдал. Она сказала, что можно сделать репортаж с мест флешмобов, я Винсента с Дериком попрошу, они любят такие тусовки.

– Хорошо. Мы можем ехать. Ты очень устал? – так нежно и ласково спросила она, что Стивену стало не по себе от того, что он сжимал в кармане пиджака визитку Джули, боясь, что она случайно выпадет и потеряется.

В последнее время каникулы Стивена проходили преимущественно за проведением лекций и мастер-классов для детей и студентов, но на этот раз Нэнси уговорила его лететь на тропические острова.

Там ему нужно было лежать на пляже, фотографировать виды, экзотическую еду и Нэнси, и Нэнси с экзотической едой.

Нэнси показывала ему картинки из интернета и умилялась.

– Посмотри, какие классные котики. А вот эти кролички в банках, очень смешные. А у нас с тобой одна тысяча триста пятьдесят лайков на фото. Не так уж и много. Все потому что ты хмурый. Почему ты хмурый? Ну сфотографируй меня, пожалуйста, еще вот так. Ну что тебе, сложно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.